

Н. П. Гальцова

КОМБИНАТОРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПЕРФЕКТА В ТЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Селькупским абсолютным временам, для которых с достаточной уверенностью предполагается древнее происхождение, противопоставит серия форм, вошедших в глагольную систему из причастий. Исходя из структурного сходства причастий прошедшего времени и темпоральных образований на $-(m)pv-$, можно заключить, что селькупский перфект, по крайней мере в диахронии, представляет собой предикативно функционирующее имя. Причастия заняты в образовании перфекта в целом ряде языков уральской семьи. В пермских языках в основу образования перфекта легло отглагольное имя на $-ōt$, $-(ē)t$, а также m -овое причастие. В ненецком выделяется перфект, образованный от причастной формы. Отглагольное имя (причастие) послужило базой для развития прошедшего времени в камасинском [1, с. 185; 2, с. 109–113; 3, с. 128–131]. Связь перфекта с глагольными именами прослеживается в тюркском и намечается в индоевропейском [4, с. 90–91; 5, с. 73]. В русском языке предикативные причастные формы также квалифицируются как "перфект" [6, с. 486, 489]. Аналогично и в селькупском: предикативные отглагольные формы на $-(m)pv-$ так или иначе связывают действие с прошлым.

Несмотря на отсутствие единого мнения по вопросу о сущности перфекта, т. е. о его инвариантном (парадигматическом) значении, большинство исследователей признает, что основное значение перфекта базируется на более или менее конкретной связи между актуальным (прошлым, настоящим или будущим) состоянием и предшествующим действием (или состоянием) [7, с. 236]. Обычно формы перфекта актуализируются в соотношении с формами настоящего времени как относительно прошедшее, т. е. прошедшее по отношению к моменту речи, отражаемому настоящим актуальным или настоящим общим в значении актуального, тогда как все действие мыслится в пределах настоящего [5, с. 39]. В этом случае перфект может быть признан глагольным временем подсистемы, где центром является настоящее абсолютное, и назван преднастоящим (прошлым в настоящем). Однако актуальное состояние, передаваемое перфектом, может быть и вневременным (прошлым, настоящим, будущим) [ср. 8, с. 287]).

Значение перфекта во многих языках можно определить по значению его элементов (отглагольное прилагательное или причастие прошедшего времени в сочетании с настоящим временем вспомогательного глагола; причастие прошедшего времени с аффиксами сказуемости – личными окончаниями –, относящими действие или состояние к настоящему). Аналогичная ситуация характерна и для селькупского языка. Первоначальная семантика селькупского перфекта выводима из структурных элементов финитной формы, которая содержит показатель

причастия прошедшего времени (отглагольного прилагательного с более или менее явно выраженным результативным значением) без суффикса $-j/-l'$; $-l$, маркирующего определение, в сочетании с личными окончаниями, которые выступают не только носителями предикативности, но и относят действие или состояние к настоящему актуальному или настоящему общему (ср. значение предикативных имен существительных -9, с. 188–190). В связи с этим представляет интерес следующий факт. В языкознании различают перфектность эксплицитную (всегда связанную с наличием в предложении причастия в предикативной/атрибутивной функции) и имплицитную (констатированную при употреблении прошедшего времени вне контекста) [10, с. 195–197]. Обращаясь к предикативным формам на $-(m)pv-$ в селькупском языке можно отметить, что перфектность выражается одновременно и имплицитно и эксплицитно, т. е. с одной стороны, эти формы можно признавать причастиями в предикативном употреблении, с другой стороны есть все основания квалифицировать их уже как собственно временные (формы перфекта).

В тымском диалекте причастия прошедшего времени в предикативной функции втягиваются в систему форм, передающих значение времени. На синхронном срезе можно отметить непоследовательность и неравномерность этого процесса, отражением которых выступают:

1. ПЕРФЕКТ, СЛАБО ЛОКАЛИЗОВАННЫЙ ВО ВРЕМЕНИ.

Актуальное состояние, передаваемое формами перфекта, может быть слабо локализовано во времени и соотноситься с планом прошлого и настоящего. В этом смысле формы перфекта максимально приближены по своему значению к причастиям в функции предиката [8, с. 287]. Нелокализованный во времени характер предполагается для тюркского и индоевропейского перфекта [5, с. 72–73]. Слабая локализованность перфекта хорошо прослеживается в его функционировании на уровне таксиса: перфектный таксис сочетается с временным планом

прошедшего и настоящего: nel' k up tekka t̄u mpa, antalpent! "Женщина к тебе пришла (сейчас, давно), радуйся!" nu i teper man o mp o kap: to li ū kom eppa - k aj

ku s ak sa c c s - mpa - p a ten o bar "Ну и теперь смотрю: то ли шапка лежит - как, куда стрелял (сейчас, давно) - не знаю".

II. ПЕРФЕКТ - ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ (ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ) ПРЕДНАСТОЯЩЕЕ).

Состояние, выражаемое формами перфекта, фиксируется относительно момента речи, соотносимого только с настоящим временем. В этом случае мы имеем дело с формами перфекта, локализованного относительно плана настоящего. Перфект как преднастоящее употребляется не просто для констатации факта, имевшего место в прошлом, а для обозначения такого прошлого действия, результат которого продолжается и в момент высказывания. В зависимости от аспектуальной характеристики глагольной основы и значения категории транзитивности формы перфекта отражают следующие семантические разновидности:

1. Формы перфекта от результативных непереходных основ выражают отнесенность к прошлому действию и произведенное этим действием новое состояние субъекта. Это формы стального перфекта, под которым понимается видо-временная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия [11, с. 42; 12, с. 372]: $s \overset{\downarrow}{i} r \overset{\downarrow}{a} l \overset{\downarrow}{c} \partial$ -мра "Снег выпал (и лежит)"; $cu \overset{\downarrow}{nut} s \overset{\downarrow}{s} \overset{\downarrow}{z} \overset{\downarrow}{u} \overset{\downarrow}{g} u$ -мра "Земля травой заросла (и заросшая есть)".

2. Формы перфекта от результативных переходных основ указывают на отнесенность действия к прошлому и произведенное этим действием новое состояние объекта. Это формы акционального перфекта (перфекта действия), когда действие относится к раннему моменту в течении событий, рассматриваемое как актуальное с точки зрения настоящего [10, с. 195; 12, с. 372]. В такой интерпретации формы перфекта передают не только результативное значение, но и служат для констатации факта в прошлом: $kos \overset{\downarrow}{\partial} k \overset{\downarrow}{k} \overset{\downarrow}{\beta} \overset{\downarrow}{\partial} l \overset{\downarrow}{k} \overset{\downarrow}{\beta} \overset{\downarrow}{\partial} t$ -pa-t $\overset{\downarrow}{\partial} t$ "Много рыбы поймали (они-мн.)"; $ega \overset{\downarrow}{pa} \overset{\downarrow}{ca} l - pa - t$ $\overset{\downarrow}{pe} \overset{\downarrow}{c} \overset{\downarrow}{se} \overset{\downarrow}{por}$ "Старик срубил топором дерево".

Формы стального и акционального перфекта, образующиеся от основ совершенного вида, обозначают действие, которое имело место в прошлом, но результат которого (состояние) сохраняется и в настоящее время, т. е. перфектное относительно время. Формы на $-(m)pV-$ в изолированном употреблении выявляют перфектность преимущественно как результат действия, констатируемый в момент речи визуально или на основании чувственно воспринимаемого источника. Реализация перфекта как изолированного факта сближает его формы с претеритом, а свободное употребление перфекта в значении изолированного факта способствует стиранию парадигматических различий между двумя временами. Формы на $-(m)pV-$ от результативных глаголов и $-S$ -ового прошедшего результативного оказываются способными выступать синонимами в синтагматике.

3. Формы перфекта от нерезультативных непереходных глаголов передают состояние, безотносительно к прошлому действию (состояние в прошлом и/или настоящем) и могут быть синонимами нерезультативному претериту, с одной стороны, и настоящему процессуальному – с другой:

(настоящее): $tap \overset{\downarrow}{cel} \overset{\downarrow}{c} \overset{\downarrow}{el} \overset{\downarrow}{\partial}$ -мра "Сегодня светит солнце"; $tab \overset{\downarrow}{ru} \overset{\downarrow}{k} \overset{\downarrow}{u}$ -мра: $\overset{\downarrow}{i} \overset{\downarrow}{k} \overset{\downarrow}{i} \overset{\downarrow}{ru} \overset{\downarrow}{k} \overset{\downarrow}{u} - mpe \overset{\downarrow}{s}$ "Он храпит: не храпи";

(прошедшее): $k \overset{\downarrow}{\beta} a \overset{\downarrow}{cont} \overset{\downarrow}{teb} \overset{\downarrow}{ko} \overset{\downarrow}{jam} \overset{\downarrow}{pa}$ "Он ездил в город"; $teb \overset{\downarrow}{\beta} ark \overset{\downarrow}{\partial}$ -мра $\overset{\downarrow}{a} \overset{\downarrow}{\beta} \overset{\downarrow}{ent} \overset{\downarrow}{e} \overset{\downarrow}{n} \overset{\downarrow}{a} \overset{\downarrow}{n}$ "Он жил у матери".

4. Формы перфекта от нерезультативных переходных глаголов (в своем большинстве – суффиксированных основ несовершенного вида) употребляются редко и синонимичны формам настоящего процессуального времени индикатива:

"Моя мать делает шкуры". $\overset{\downarrow}{E} \overset{\downarrow}{\beta} \overset{\downarrow}{em} \overset{\downarrow}{mat} \overset{\downarrow}{k} \overset{\downarrow}{\partial} \overset{\downarrow}{kor} \overset{\downarrow}{\partial}$ $\overset{\downarrow}{me} \overset{\downarrow}{s} \overset{\downarrow}{ku} - mra - t$.

Если понимать перфект широко, то все перечисленные семантические разновидности форм на $-tr(v)-$ можно отнести к перфектным, поскольку для состояния в настоящем несомненно было начало в определенный момент до его течения. Исходя из этого, в тымском диалекте селькупского языка можно выделять перфект с двумя основными комбинаторными значениями:

1) перфект результативный (стальный, акциональный) от глаголов совершенного вида;

2) перфект продолженный от глаголов несовершенного вида.

Значение результата или следствия, как и значение длящегося в период времени процесса, исходит от лексического характера глагольной основы, семантика которой предполагает или же не предполагает конечную цель, предел протекания действия. Реализация перфекта в подобных комбинаторных вариантах известна многим языкам мира [13, с. 75; 14, с. 17–18; 15, с. 278; 5, с. 40–41]. Интерес в этом плане представляют и следующие факты. Так, индоевропейский перфект дал в одних случаях начало для форм настоящего времени, а в других – для форм прошедшего, т. е. в отдаленный период развития языка перфектные формы могли употребляться в презентном и претеритальном значении [16, с. 80–81]. В презентном значении ряда перфектных форм греческих глаголов отмечается момент итеративности, который рассматривается как одно из старейших значений перфекта. В основе презентного перфекта лежит восприятие действия, как если бы оно совершалось в сильной повторяемости, выражая при этом особую длительность, непрерывность, постоянство его протекания [17, с. 157].

Функционирование форм перфекта в селькупском языке сопряжено с широкими синтагматическими возможностями. Перфект (южн.) обычно используется в сказках, фольклорных текстах, конце рассказа которых

подразумевается в прошлом. Соответственно все, что было до него, все события сказки, предшествовали определенному моменту в прошлом. Это использование перфекта в значении плюсквамперфекта. Аналогично настоящему историческому в значении претерита формы перфекта в значении плюсквамперфекта вносят оживление в повествование.

Значение перфекта как преднастоящего, употребляющегося не просто для констатации факта в прошлом, а передающего прошлое действие, результат которого продолжается и в момент высказывания, начинает утрачиваться. Этому способствует сближение значений перфекта и претерита, представляющегося в синтагматике.

Формы результативного перфекта начинают выступать аналогом *-s*-ового прошедшего времени (претерита). Трансформация перфекта в претерит имела место в истории многих языков. На этой категориальной трансформации неоднократно останавливался Б.А. Серебрянников [18, с. 3]. Указанный переход отражает развитие относительное время > абсолютное время. Финитная форма в статусе преднастоящего получает абсолютно-временную локализацию с сохранением реликтовых употреблений в функции предпрошедшего в алтайских языках [5, с. 44]. Переходу перфект > претерит способствует транспозиция переходного перфекта в сферу употребления претерита. У переходных глаголов совершенного вида, лишь констатирующих действие, семантическим компонентом, сближающим сферу употребления перфекта и претерита, является указание на совершение действия в какой-то момент прошлого. Это происходит в тех случаях, когда говорящий акцентирует внимание не столько на результате действия, сколько на факте его свершения в прошлом. Вследствие этого допускается параллельное употребление форм на *-(m)rV-* и *-s*-ового времени (перфекта и претерита), а также чередование их в рамках одного контекста. Тем не менее разница в значении *-s*-ового прошедшего времени и перфектных форм на *-(m)rv-* чаще всего может сохраняться и в синтагматике. Так, формы *-s*-ового прошедшего результативного времени передают наличие или отсутствие факта в прошлом, безотносительно к какому-либо последующему моменту. По своей сути эти формы можно признать статичными, а свершившийся факт в прошлом отнести к сфере наблюдаемого. Формы на *-(m)rv-* передают не столько констатацию факта в прошлом, сколько его интерпретацию, т. е. описываемое явление рассматривается как соотношенное с данной ситуацией и представлено как совершившееся и закончившееся в течение определенного периода. Эти формы внутренне динамичны и предполагают связь результата в прошлом и состояние в настоящем. При этом они обладают скрытым от прямого наблюдения содержанием. Подобная дифференциация значений перфектной и имперфектной формы прошедшего времени позволяет информанту избирательно акцентировать внимание то на самом факте совершения действия в прошлом, то на факте наличия его результата в настоящем. Другое различие

между претеритом и перфектом связано с возможностью появления у последнего модального значения, когда формы перфекта несут дополнительную информацию о событии - очевидность/неочевидность действия. Так, аналог южноселькупского (тымского, нарымского) перфекта (по ОчСЯ: повествовательное прошедшее время индикатива) признается Г.Н. Прокофьевым прошедшим временем наклонения неочевидного действия, т. е. модальным перфектом [19, с. 61–66]. Если исходить из данных ОчСЯ (ОчСЯ, с. 239), что на синхронном срезе формы рассматриваемого времени указывают только на не связанное с говорящим действие в прошлом, и наклонение неочевидного действия характеризует действие, выделяемое по косвенным признакам, то использование соответствующих временных форм для передачи модального значения заглазости, недоверности, в какой-то период времени представляется вероятным. Это модальное значение возникает у форм перфекта, причем подобный процесс служит примером диахронической фреквентации - типичного изменения языковой функции, характерного для многих языков мира [20, с. 206–208]. Во многих уральских языках выделяются морфологически два прошедших времени. Одно из них именуется неочевидным временем и употребляется в случае, когда говорящий не был свидетелем действия, совершившегося до момента речи [21, 22 и др.]. В некоторых финно-угорских и самодийских языках второе прошедшее время трактуется как перфект с сопутствующим значением неочевидности действия [23, с. 66; 2, с. 158]. Основанием для развития вторичной функции модального плана служит известная двойственная семантическая природа перфекта, передающего наличие в какой-то определенный момент (речи или нефиксированные моменты в прошлом, настоящем и будущем) результата действия, произведенного в предшествовавший этому моменту отрезок времени. Хотя модальные значения, вторичные по отношению к перфектному, неразрывно связаны с самой сутью перфектов, характер указанной связи свободный, а не obligatory. Это согласуется с тем известным фактом, что во многих языках перфект и при возникновении, и при дальнейшей своей истории был и остается безмодальным [24, с. 185]. В тымском диалекте модальность у форм перфекта может возникать в рамках значения результата в настоящем контексте, т. е. как синтаксическое наложение. Модальное значение неочевидности, заглазости действия, появляющееся иногда у этих форм, вторично по отношению к перфектному, факультативно и необлигаторно. Поэтому оно не выносится в план парадигматики. Тем самым формы перфекта на *-mr(V)-* следует признать безмодальными.

Сокращения:

ОчСЯ = Очерки по селькупскому языку;
ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь;
ТФГ = Теория функциональной грамматики.

Литература

1. Чернецов В.Н. Мансийский (вогульский) язык. Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.-Л., 1937. С. 63–193.
2. Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной системы в уральских языках. М.: Наука, 1964. 183 с.
3. Künnap A. System und Ursprung der Kamassischen Flexionssuffixe. II. Verbalflexion und Verbalnomina // s // s. MSFOu 164.– Helsinki, 1978. 261 s.
4. Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Л.: Наука, 1967. 103 с.
5. Кормушин И.В. Системы времён глагола в алтайских языках. М.: Наука, 1984. 84 с.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. 620 с.
7. Телин Н.Б. О системном статусе перфектного значения в функциональной грамматике. Язык, система и функционирование. М., 1988. С. 236–249.
8. Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982. 432 с.
9. Кузнецова А.И., Халимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1980. 408 с.
10. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.
11. Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид. Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–53.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.–682 с.
13. Бунина И.К. Система времен старославянского глагола. М.: Изд-во АС СССР, 1959. 160 с.
14. Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (Форма на -ган и ее производные). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 151 с.
15. Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс, 1976. 411 с.
16. Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видовременные и залоговые категории. Л. 1977 г. 206 с.
17. Десницкая А.В. Каузативные глаголы Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1941. Вып. 5. С. 138–165.
18. Серебренников Б.А., Бирюкович Р.М. Некоторые особенности исторического развития перфекта в различных языках Сов. Тюркология. 1981. № 2. С. 3–13.
19. Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. Ч. 1. 131 с.
20. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 351 с.
21. Перевощиков П.Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка. Удмуртско-русский словарь. М., 1948. 206 с.
22. Бубрих Д.В. Грамматика литературного языка коми. Л., 1949. 199 с.
23. Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 299 с.
24. Кормушин И.В. К интерпретации и реконструкции категории времени в тюркских языках: Сущность, развитие и функции языка. М., 1988. С. 183–186.

А. А. Ким

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО КОМПЛЕКСА ДЛЯ СЕЛЬКУПОВ

Томский государственный педагогический университет занимает одно из лидирующих мест в разработке лингвистического аспекта проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков. Эта работа началась под руководством профессора А.П. Дульзона, лауреата Государственной премии. За сорок с лишним лет был собран обширный материал по языку и культуре многих народов Сибири и Севера. Этот материал используется не только для научных описаний и исследований, но и для ревитализации исчезающих языков Сибири. Среди них такие уральские языки, как селькупский, нганасанский, энецкий, хантыйский, а также тюркские языки – чувлымский, долганский, енисейские языки – кетский и др. [1].

Школа А.П. Дульзона не только продолжает научное исследование этих языков, но и проводит программу по их практическому сохранению, создавая учебно-методический комплекс, куда входят буквари, словари, грамматики, книги для чтения и т. д. Ученые преследуют одну цель – предоставить народам Сибири возможность реализовать свое право изучать родной язык в школе.

В настоящее время основное внимание томских ученых сконцентрировано на создании учебных пособий для нарымских селькупов – самой многочисленной народности Сибири в пределах Томской области.

Работа началась с создания алфавита и выработки норм орфографии для нарымских селькупов. За период с 1990 г. на базе материалов по языку и фольклору созданы первые учебники для селькупов Томской области: Шёшкуй букварь, Селькупско-русский и русско-селькупский словарь, Пособие по селькупскому языку, Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык) [2]. Все перечисленные учебники не только создавались, но и печатались в Томске. Специальный шрифт и оригинал-макеты были разработаны в АО "Издательство НТЛ", печатались книги в типографии издательства "Красное знамя".

Имеется интересный опыт работы в создании популярной литературы по селькупскому языку с коллегами из Венгрии. В совместной экспедиции в 1992 г. был соб-